

*Памяти отца,
Юрия Всеволодовича Карпова*

Последний правитель древней Руси

Князь Юрий Всеволодович — трагическая фигура русской истории. Это последний из великих князей владимиро-суздальских, последний правитель могущественной и процветающей, независимой Владимирской державы. Той самой, о которой спустя несколько лет после его смерти напишет безвестный русский книжник, свидетель страшного монгольского нашествия на Русь, автор «Слова о погибели Русской земли» — признанного шедевра древнерусской литературы:

**О светло светлая и украсно украшена земля Русская!
И многими красотами удивлена еси: озёры многими удивлена еси, реками и кладязьми местнотимыми, горами, крутыми холмы, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, сёлы дивными, винограды обительными, дома церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими — всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!**

И далее — о могучих и благородных правителях этой благословенной земли:

Отселе до угор и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, и от ятвягов до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до Устюга, где обитают тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы — то всё покорено было Богом христианскому языку поганские страны — великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху... А литва из болота на свет не показывалась, а угры твердили города каменные вратами железными... а немцы радовались, далече будучи за Синим морем...

И в те дни беда христианам — от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского...*

Юрий, князь Владимирский, брат «нынешнего Ярослава», того, при котором, видимо, и писались эти строки, и есть герой нашего повествования. Автор «Слова о погибели Русской земли» создавал идеализированный, сильно приукрашенный образ державы Юрия и его предшественников на владимирском и суздальском престоле — прадеда Владимира Мономаха, деда Юрия Долгорукого, отца Всеволода Большое Гнездо (а мы добавим к ним ещё и дядю, Андрея Боголюбского). Но общие контуры, намеченные им, различимы: «светло светлая и украсно украшенная» Владимиро-Суздальская Русь и в самом деле была исполнена богатством и славой, бесчисленными городами и дивными сёлами, церквами и монашескими обителями, и слава о её грозных князьях расходилась далеко по свету. Договорные отношения связывали владимирских князей и с венгерскими («угорскими») королями, и с польскими («ляшскими») и чешскими князьями, которые, конечно же, не только «твердили» каменные стены и железные врата своих городов, отгораживаясь от покушений на свои земли, но и сами не раз вторгались в западные пределы Руси, сажая своих ставленников на княжеские престолы — например в Галич, — и всё же должны были считаться с великим князем Владимирским и теми из русских князей, кто пользовался его покровительством. Через своих ближайших родичей владимирские «самодержцы» стремились держать в повиновении Новгород, чьи дружины и в самом деле ходили в дальние походы, в том числе и в «чудские» (эстонские) земли, где их противниками оказывались немецкие рыцари Ливонского ордена, как раз в эти годы устанавливавшие свою власть в Прибалтике. Конечно, и «немцы», и «чудь», и «литва» и сами нападали на новгородские земли, так что подконтрольная Новгороду территория неуклонно сужалась, делая мир и с «немцами», и с «литвой» насущной задачей правителей Новгорода и стоящего за их спиной вели-

* Цитируется в переводе по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 90 (подг. текста Л. А. Дмитриева). См. также: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154—157 (издание обоих сохранившихся списков), 182—184 (реконструкция текста).

кого князя Владимирского. Воевали новгородцы и в землях «корелы», и ещё дальше, у Белого («Дышащего») моря. Ещё отец Юрия Всеволод поставил на реке Сухоне, против слияния её с рекой Юг город Устюг — оплот русского влияния на Севере, а самому Юрию не раз приходилось воевать и с волжскими болгарами, и с воинственной мордвой, и с черемисами (предками нынешних марийцев), хотя все эти земли никогда не были покорены ни им, ни его предками.

Словом, повторюсь, перед нами некий идеальный, во многом вымышленный образ державы князя Юрия Всеволодовича и его предков. Но слишком силён был контраст между прошлым и настоящим, чтобы прошлое это не окрашивалось в самые радужные цвета и не казалось лишённым каких бы то ни было тёмных оттенков...

Сегодня мы отделены от эпохи князя Юрия Всеволодовича уже не годами и не десятилетиями, а многими столетиями. Но в чём-то наш нынешний взгляд на его эпоху близок к тому, о чём писал автор «Слова о погибели Русской земли». Ибо гибель князя на берегу реки Сити восемь веков назад навсегда разделила историю России надвое: на домонгольскую и послемонгольскую. И мы, как и автор «Слова...», принадлежим ко второму, послемонгольскому её периоду. А потому эпоха великого князя Юрия Всеволодовича и его предков для нас — какая-то иная цивилизация, неведомая или не до конца понятая нами. А ведь время самого Юрия — это одновременно и расцвет домонгольской Руси, и её крушение, произошедшее стремительно, всего за несколько лет. А если говорить о Владимирской Руси — то в считанные недели, за два с небольшим месяца...

Великий князь погиб 4 марта 1238 года. Меньше чем за месяц до него, 7 февраля того же года, в сожжённом Владимире погибла вся его семья: жена, трое сыновей, дочь, внучки, снохи. Обезглавленное тело Юрия было найдено среди множества других мёртвых тел на месте побоища на реке Сити и перенесено сначала в Ростов (куда потом принесли и отрубленную голову князя), а затем, спустя почти два года, — в стольный Владимир. Князя похоронили в очищенном от трупов и заново освящённом Успенском соборе. Тем, кто уцелел, надо было хоронить погибших, восстанавливать сожжённые города и сёла, освящать осквернённые храмы, а на это требовалось время. Но главное, надо было учиться жить в новых обстоятельствах, под пятой жестоких завоевателей...

Всё это уже не имело никакого отношения к личности великого князя Юрия Всеволодовича. Он остался в предыду-

шей эпохе. И гибель его лишь обозначила масштаб произошедшей трагедии.

Соответственно, и взгляд на князя оказывался двойственным: с одной стороны, он принял смертную муку вместе с людьми своего княжества, в какой-то степени за людей своего княжества — и в этом своём качестве мог почитаться (и почитается!) как мученик и страстотерпец. А с другой — именно он оказался невольным виновником случившейся трагедии, не уберёгшим своих людей от гибели.

Эту двойственность мы ощущаем уже в летописных рассказах о гибели князя. Читая книгу, можно, например, сравнить почти современное событиям свидетельство Новгородской летописи — и записанный несколько позднее, но тоже в XIII веке, рассказ Суздальской (Лаврентьевской): говоря о поведении князя во время нашествия Батыя и о его гибели на Сити, они очень по-разному расставляют акценты. Или, в ещё большей степени, вопиюще противоречащие друг другу повествование Степенной книги царского родословия, прославляющее Юрия как святого и благоверного князя, — и донельзя очерняющую его злую легенду, приведённую в одной из редакций Жития современника Юрия, святого князя-мученика Михаила Черниговского (оба эти текста, принадлежащие XVI столетию, помещены во второй части книги).

Да и по сей день отношение к князю различается — порой кардинально. Люди воцерковлённые почитают его как мученика и святого, и к его гробнице во владимирском Успенском соборе всегда стоит очередь желающих приложиться к его мощам. Другие видят в нём прежде всего незаурядного политика, третьи — рыцаря, пожертвовавшего жизнью ради родной державы. Но есть и те, и их немало, для кого князь Юрий — лишь слабовольный и трусливый правитель, более пекущийся о собственном благе и не способный предвидеть будущее хотя бы на один шаг вперёд...

Но нашествие Батыя и гибель на реке Сити — далеко не единственные сюжеты в биографии великого князя, заслуживающие внимания. Не будем забывать о том, что князь был основателем Нижнего Новгорода — города, которому суждена была великая судьба. А такое — историческая прерогатива далеко не каждого правителя! Поздняя легенда приписывает Юрию основание ещё одного города, носящего его имя, — Юрьевца Повольского (ныне Юрьевец Ивановской области). В XVII веке князь Юрий (или, правильнее, согласно церковной традиции, Георгий) Всеволодович был при-

числен к лику святых — между прочим, последним перед великим Расколом Русской церкви, что объясняет особое почитание его приверженцами старого обряда. И именно в старообрядческой среде возникла легенда об основании им ещё двух городов-призраков древней Руси — Малого и Большого Китежей. Так князь приобщился и к сказочной, или, если угодно, эсхатологической, истории Руси, связанной с ощущением близящегося конца света. В легенде о граде Китеже, равно как и в знаменитой опере Римского-Корсакова на ту же тему князь Георгий предстаёт перед нами совсем в другом образе, в котором едва различимы черты подлинного владимирского правителя XIII столетия.

Предлагаемая вниманию читателей книга — далеко не первая посвящённая князю Юрию Всеволодовичу. Биографические книги и очерки о нём выходили и прежде, ещё в позапрошлом веке (написанные, правда, большей частью в чисто житийном, агиографическом ключе), и в недавнее время, когда в свет вышли сразу несколько исследований, выполненных на самом высоком научном уровне*.

Так нужна ли ещё одна книга о нём? Думаю, что сведёние воедино всех имеющихся в нашем распоряжении источников, рассказывающих о великом князе, его объёмный портрет на фоне Руси его времени будут в любом случае не лишними. Ибо история Юрия — это, повторюсь ещё раз, последний акт истории домонгольской Руси. И картина её трагического крушения без фигуры князя, без осознания масштаба его личности и уяснения особенностей его внешней и внутренней политики оказывается неполной и непонятной для нас.

При этом автор ни в коем случае не берётся выносить какой-либо приговор князю — не важно, обвинительный или оправдательный, не берётся судить, чего больше — позитивного или негативного — было в его политике: ни тогда, когда он только шёл к власти в жестокой борьбе со своим старшим братом, ни когда выступал в качестве правителя Владимирского княжества, ни тогда, когда, как мог, сопротивлялся нашествию Батыея. Выносить приговор

* *Сиренов А. В.* Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003; *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006; *он же.* Князь великий Георгий — основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017. Впрочем, понастоящему биографической можно назвать лишь последнюю книгу.

историческому лицу — вообще не в компетенции историка. Свою задачу автор видел в другом: попытаться более или менее объективно взглянуть на своего героя через призму сохранившихся источников при здоровой оценке каждого из них, при понимании того, к какому времени и к какой исторической среде они принадлежат.

Первая и основная часть книги построена как подробная, год за годом, хроника пятидесяти лет жизни великого князя. Она основана на выдержках из подлинных исторических документов, как русских, так и иноязычных. Юрий редко выбирался за пределы Владимиро-Суздальского княжества. Тем не менее о нём было известно и в далёких от Руси странах — как на латинском Западе, так и на Востоке: в Персии и даже Китае. Правда, собственное имя князя иностранные источники называют редко — только в связи с его трагической гибелью, воспринимаемой как гибель всей его державы. Русских источников, конечно же, намного больше. Но и они, признаемся, не слишком разнообразны. Прежде всего, это летописи — бесценный клад наших знаний о древней Руси. В первую очередь следует назвать наиболее ранние из них — так называемую Лаврентьевскую (она была составлена монахом Лаврентием в 1377 году, в основе же её лежит Суздальская летопись начала XIV века, вобравшая в себя более ранние летописные своды) и Новгородскую Первую старшего извода (её первая, древнейшая часть, доходящая до 1234 года, переписана в конце XIII века; вторая — во второй четверти XIV века); они чаще других используются в книге. Стоит сказать, что ко времени княжения Юрия Всеволодовича летописи всё явственнее приобретают официальный характер и выражают интересы заказчика — того или иного церковного иерарха или князя. Читая летописи, можно увидеть, насколько по-разному освещаются в них одни и те же события из жизни Юрия и Руси его времени. Это относится и к тем же Новгородской Первой и Лаврентьевской, и к другим: южнорусской по своему происхождению Ипатьевской (Киевской и продолжающей её Галицко-Волынской) и созданным в Северо-Восточной Руси так называемой Радзивилловской, Летописцу Переяславля Суздальского, Московскому летописному своду конца XV века. Исследователи русского летописания выявляют в них фрагменты летописных сводов, составленных в окружении самого Юрия и его ближайших родственников, братьев и племянников. Так, в составе Лаврентьевской летописи сохранился летописный свод старшего брата Юрия, великого

князя Константина Всеволодовича, и его сыновей; Летописец Переяславля Суздальского включает в себя летопись младшего брата Юрия, Ярослава Всеволодовича; фрагменты летописания самого Юрия Всеволодовича находят в составе Московского летописного свода конца XV века.

Но это именно фрагменты, особенно если говорить о летописании Юрия Всеволодовича. А потому и фигура великого князя «расплывается» в массиве летописных сведений. Личность Юрия Всеволодовича вообще проявляется не слишком ярко — даже на фоне его современников, например, младшего брата Ярослава. Юрий меньше воюет, чем брат, больше времени проводит в своём Владимире на Клязьме, реже ходит в походы. Хорошо это или плохо для его подданных, сказать трудно — может быть, и хорошо. Но для биографа — однозначно плохо.

Уникальные сведения о Юрии Всеволодовиче и событиях его времени содержатся и в других летописных сводах XV—XVI веков, и они, конечно, тоже представлены в книге. Равно как и сочинения, написанные в других жанрах, — а это жития современных ему русских святых, послания церковных иерархов и т. д. Тексты памятников, в том числе и древнерусских, приведены, в основном, в переводе на современный русский язык. В тех случаях, когда имя переводчика не указано, перевод выполнен автором. Все приведённые в книге цитаты снабжены указанием на источник, из которого они извлечены (первая цифра в скобках). Полный список источников и исследований дан в конце книги.

Вторая часть книги посвящена тому, как менялся со временем взгляд русских книжников на Юрия (Георгия) Владимировского — святого благоверного князя-мученика и героя позднейшей легенды. В качестве приложения в эту часть книги помещены некоторые тексты или фрагменты текстов, наиболее интересные, на взгляд автора. Знакомясь с ними, можно увидеть, как далеко отстоит образ князя — героя Жития или Китежской легенды — от того образа, который вырисовывается из пускай и скудных летописных известий о нём. Однако таков закон жанра. В истории так бывает всегда, когда речь идёт о героях из нашего далёкого, а порой и недавнего прошлого. Но в том-то и дело, что и реальный владимирский князь, и его легендарный, даже сказочный образ сосуществуют в нашей исторической памяти на равных. И различить их порой очень непросто.

Удалось ли сделать это автору книги? Судить об этом читателю.

Часть первая

ХРОНИКА ЖИЗНИ
И ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЮРИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА

ГОД 1188
Суздаль

Из Ипатьевской летописи

...Той же осенью родился сын у великого [князя] Всеволода в Суздале в Филиппово говение*, месяца ноября в 26-й день, на освящение церкви мученика Георгия. И велел отец его Всеволод епископу Луке наречь ему имя Юрий — дедово имя, и была радость великая во всей Суздальской земле, и устроил Всеволод праздник великий.**

(28. Стб. 659)

И для отца, и для матери радость от рождения сына была особенной, ибо она пришла на смену печали. За два месяца до рождения Юрия умер третий сын Всеволода — младенец Глеб (а ещё за год до того — и второй, Борис). Отец Юрия, Всеволод, несомненно, должен был увидеть

* То есть в Рождественский пост, начинающийся 15 ноября (заговенье — 14 ноября, на память апостола Филиппа).

** В Ипатьевской (Киевской) летописи известие это помещено в статье под 6695 годом по эре от Сотворения мира (которая в обычных случаях, при использовании так называемого *мартовского* стиля, отличается от нашей, от Рождества Христова, на 5508 лет для марта — декабря и 5507 для января — февраля). Однако статья Ипатьевской летописи носит сложный характер. В ней объединены события как 1187/88-го, так и 1188/89 годов от Р. Х. В Лаврентьевской (Суздальской) летописи о рождении четвёртого сына великого князя Всеволода Юрьевича сообщается в статье под 6697 годом по эре от Сотворения мира (27. Стб. 408), но здесь использован так называемый *ультрамартовский* стиль (начинающий год на полгода раньше византийского сентябрьского, в отличие от мартовского, чаще используемого в летописи, который начинал год на полгода позже сентябрьского), и, в соответствии с ним, рождение Юрия должно быть отнесено к осени (ноябрю) 1188 года нашей эры (69. С. 83—84, 203; ср. С. 315, прим. 76).

добрый знак в том, что новорожденный появился на свет в день, посвященный святому покровителю своего деда, основателя всего рода князей Юрьевичей — Юрия Долгорукого (в так называемый осенний «Юрьев день» — память освящения церкви Святого Георгия в Киеве). Наречение «дедним» (то есть дедовым) именем, да ещё совершённое ростовским владыкой, должно было снять печать некоего проклятия, тяготившего княжескую чету. И действительно: спустя год с небольшим, 8 февраля 1190 года, у княгини родится пятый сын, наречённый Ярославом (а в крещении Фёдором) — родится столь же здоровым, как и Юрий. Здоровыми и жизнеспособными появятся на свет и следующие их сыновья.

После смерти в младенчестве Бориса и Глеба Юрий стал вторым по старшинству сыном Всеволода Большое Гнездо. Он уступал лишь первенцу княжеской четы — Константину, появившемуся на свет за три года до него, в 1185 году.

Юрий (или Юрги, Гюрги, как звучит это имя в летописи) — русское произношение имени Георгий. Для княжича имя это одновременно стало и мирским, используемым в повседневной жизни, и крестильным — для церкви. Дело в том, что в древней Руси в течение долгого времени князья, как правило, носили два имени — крестильное и мирское, княжеское. Но в XII веке некоторые имена стали восприниматься как одновременно княжеские и крестильные; это, как правило, были крестильные имена великих, прославленных предков — например, Василий (крестильное имя святого Владимира, Крестителя Руси, и его правнука Владимира Мономаха), Роман и Давыд (христианские имена первых русских святых Бориса и Глеба), Андрей (крестильное имя внука Владимира Святого князя Всеволода Ярославича). И Георгий — имя, которое носил в крещении князь Ярослав Мудрый. В летописи князь Юрий Всеволодович будет именоваться то Юрием, то Георгием — как мы убедимся, летописцы не видели большой разницы между двумя формами этого имени.

Небесным покровителем новорожденного стал святой воин великомученик Георгий Победоносец, один из наиболее почитаемых на Руси святых. Пять десятилетий спустя в посмертной похвале князю летописец назовет его «мужеству тезоименитым» (27. Стб. 468). И хотя имя Георгий с греческого языка переводится иначе (Георгий по-гречески значит «земледелец»), в словах летописца был ясный смысл: на Руси, как и в других странах, убитый

язычниками святой Георгий почитался как покровитель воинов, а Юрий примет смерть как воин — на поле брани, от рук язычников-татар.

Князь Всеволод Юрьевич (в крещении Дмитрий), вошедший в историю с прозвищем Большое Гнездо, а в летописи именуемый Всеволодом Великим, находился в то время на вершине своего могущества. Его ставленники правили Новгородом и Рязанью; его «сестричич» (племянник), галицкий князь Владимир Ярославич, открыто прибежал к его покровительству, объявляя себя во всей его власти («А яз Божий и твой есмь со всем Галичем, а во твоей воле есмь всегда!») — таковы его собственные слова (28. Стб. 667); от воли Всеволода Великого не раз зависела судьба киевского престола.

Авторитет Всеволода был признан во всём русском обществе. «Великий княже Всеволоде! — мысленно обращался к нему его современник, автор «Слова о полку Игореве». — ...Ты бо можеша Волгу веслы раскропити (расплескать. — А. К.), а Дон шелома выльяти (вычерпать. — А. К.)» (57. С. 60). Автор же Лаврентьевской летописи посвятил ему такую восторженную похвалу:

...Много мужества и дерзости явил в боях, украшен всеми добродетелями, злых казня, а благоразумных милуя... От одного имени его трепетали все страны, и по всей земле прошёл слух о нём...

(27. Стб. 436—437)

И если это и было преувеличением, то не слишком большим, ибо имя Всеволода как одного из сильнейших русских князей с почтением произносилось в то время и на западе, и на востоке христианского мира — и в Византии, и в Священной Римской империи, и в Венгерском королевстве, и в Польше. Известно это имя было и в православных Армении и Грузии, и даже в далёком Иране.

Необыкновенной женщиной была и мать Юрия, княгиня Мария. Историки до сих пор спорят, кем она была по происхождению и к какому роду-племени принадлежала — «ясскому», то есть аланскому*, или чешскому. Надо признать, что вопрос этот хотя и не такой принципиаль-

* Ясы, или асы, аланы, — предки нынешних осетин, жившие в те времена на Северном Кавказе и в Подонье.

ный, каким его иногда представляют, но всё же немало-важный — ведь речь идёт о происхождении не только героя нашей книги, великого князя Юрия Всеволодовича, но и всех других потомков княжеской четы — русских князей, правивших впоследствии и во Владимире, и в Ростове, и в Суздале, и в Москве, и в других русских землях. Ибо Мария родила Всеволоду восьмерых сыновей и нескольких дочерей, так что прозвище «Большое Гнездо» по праву может принадлежать ей в не меньшей степени, нежели её супругу. Но кроме того, Мария «Всеволожая» (то есть «Всеволодова»: в древней Руси женщин чаще всего называли по мужу) была основательницей существующего и поныне владимирского женского Успенского монастыря (знаменитого Княгинина) и в этом качестве почитается Церковью как святая.

Надо сказать, что обе версии её происхождения — и «чешская», и «яская» — представляются вполне обоснованными, ибо опираются на весьма авторитетные источники.

Статья «А се князи русские» (читающаяся в той же рукописи середины XV века, что и Новгородская Первая летопись младшего извода), а также ряд других летописных и внелетописных источников приводят отчество супруги князя Всеволода Юрьевича — а это редчайший случай для княгинь, не принадлежавших к роду Рюриковичей. И отчество это звучит не слишком привычно для нашего уха: Шварновна. Указана в этих источниках и этническая принадлежность отца Марии: «...А княгини его, Мария Всеволожа Шварновна (здесь так! — А. К.), дщи князя чешского...» (22. С. 468; см. также: 37. Стб. 311; 36. Стб. 301; 23. С. 216, 217; 42. С. 19, 36; 58. С. 456, 459; и др.). Это с одной стороны. С другой же — известно, что у Марии имелись по меньшей мере две младшие сестры, и одна из них названа в летописи «Ясыней» (28. Стб. 625). Получается, что «ясыней» была и её старшая сестра, мать Юрия? Или всё-таки «чехиней», как об этом говорит внелетописный источник?

В книге, посвящённой отцу Юрия, князю Всеволоду Большое Гнездо, я уже изложил своё мнение относительно происхождения княгини Марии (92. С. 63—70). Здесь же скажу, что источник статьи «А се князи русские», хотя она и сохранилась в новгородской рукописи, — в данном случае, по-видимому, владимирский или ростовский и содержащиеся в ней сведения о княгине в конечном счёте восходят к тем известиям, которые на протяжении веков сохранялись во владимирском Княгинине монастыре. Здесь княгиня

была похоронена, здесь почиталась её память, и здесь имя основательницы обители должны были помнить. В точно такой же форме — «Мария Шварновна, дочь чешского князя», — имя княгини приведено в монастырских летописцах и синодиках (64. С. 64); несколько по-другому, но похоже, с тем же отчеством, — «Марфой Шварновной» — именовалась она и в позднейшей надписи над её погребением, читавшейся ещё в XVIII или начале XIX века (87. С. 535, прим. 62).

Предполагаемый отец Марии (и, соответственно, дед князя Юрия Всеволодовича), некий Шварн, воевода нескольких южнорусских князей и участник многих войн 1140—1160-х годов, хорошо известен летописям: они застают его сначала на службе у киевского князя Изяслава Мстиславича, затем у ставшего киевским князем Изяслава Давыдовича Черниговского, а последнее летописное упоминание, под 1167 годом, связывает его с Переяславлем-Южным, где княжил в то время старший брат Всеволода Глеб Юрьевич и где несколько позже (а возможно, уже и тогда!) нашёл временное пристанище сам Всеволод. Правда, этот Шварн был не князем, но боярином. Но он был близок к князьям, не раз предводительствовал полками наравне с князьями или даже вместо них — словом, входил в тот тесный круг военных вождей, в который в конце 60-х — начале 70-х годов XII века стремился попасть юный Всеволод. Позднейшее же его именование князем — очевидно, «задним числом», через много времени после смерти, — не выглядит чем-то удивительным или из ряда вон выходящим; напротив, с «превращениями» такого рода историки сталкиваются постоянно. Ко времени женитьбы Всеволод ещё не успел проявить себя; он не имел собственного удела, не имел и реальных перспектив на более или менее значимый княжеский стол в ближайшем будущем — и потому вполне мог довольствоваться в качестве жены не дочерью кого-либо из князей, а дочерью воеводы. Но став спустя несколько лет владимирским князем, Всеволод совершил головокружительный взлёт. Супруга его умерла будучи великой княгиней, женой владимирского «самодержца»; записи же о её происхождении составлялись ещё позже — когда Всеволод почитался как прямой предок великих князей владимирских, тверских, московских и т. д. А потому и тесть его неизбежно должен был превратиться в фигуру более значимую, нежели был на самом деле.

Из летописей нам ничего не известно о чешском происхождении воеводы Шварна. Однако имя его имеет вполне

прозрачную этимологию, восходя к чешскому «švarnu» — в значении: «ладный, опрятный, красивый» (112. С. 341; 111. С. 374), так что, учитывая имя воеводы, а также «западные», в том числе и чешские, связи его покровителя князя Изяслава Мстиславича, его чешское происхождение представляется вполне вероятным. Можно предположить даже, каким образом этот Шварн появился в русских пределах. Младший брат Изяслава Киевского, новгородский князь Святополк Мстиславич (судя по летописи, наиболее близкий к Изяславу из всех его братьев), зимой 1143/44 года женился на некой чешке «из Моравы» — возможно, родственнице чешского князя Владислава II. Этот Святополк умер в 1154 году — и умер в пути, спеша на помощь брату Изяславу. Наверное, не будет выглядеть слишком фантастическим предположение, что Шварн мог попасть на Русь вместе с чешской женой князя Святополка Мстиславича, а после смерти последнего перешёл на службу к его старшему брату — как впоследствии перешёл сначала к Изяславу Давыдовичу, а потом и к его зятю Глебу Переяславскому. Так что чешские корни и у Юрия Всеволодовича, и у других сыновей Всеволода Большое Гнездо, очевидно, имелись.

А что же относительно «яского» происхождения матери нашего героя? Здесь дело обстоит сложнее. Прежде всего, подчеркну ещё раз, что «ясыней» саму Марию в летописи или иных древних памятниках никто и никогда не называл — так была поименована лишь её младшая сестра. Судя по времени её замужества (а она в 1183 году была выдана замуж за одного из черниговских князей), она была много младше Марии. Так может быть, она появилась на свет во втором браке отца? (К слову сказать, зимой 1166/67 года Шварн оказался в половецком плену, где провёл немало времени до того, как был выкуплен переяславским князем Глебом Юрьевичем, и где вполне мог обзавестись новой женой.) В таком случае прозвище «Ясыня» могло быть дано младшей сестре Марии «в противопоставление сёстрам от другого брака», как предполагают историки (112. С. 340). Впрочем, допустимо и другое предположение: «Ясыней» могла быть мать всех трёх сестёр, включая Марию Шварновну, и прозвище «Ясыня», зафиксированное летописью лишь для одной её сестры, могла носить и она: просто в летопись это прозвище не попало. Важно то, что «яское» происхождение Марии Всеволожей — если оно действительно имело место — не обязательно противоречит версии более поздних источников о её чешском отце. Ибо в древней Руси

прозвища давались не только по отцу, но и по матери; самый яркий пример такого рода — это, конечно, прозвище князя Владимира Мономаха, сына греческой царевны.

Ещё важнее другое. Вне зависимости от того, кем была мать Юрия Всеволодовича и какая кровь — ясская, чешская или та и другая — текла в её жилах, княгиня Мария всецело принадлежит русской истории и русской культуре; об этом мы можем говорить определённо. Дочь Шварна родилась и была воспитана на Руси (сама хронология её жизни свидетельствует об этом)*; она стала женой русского князя и матерью русских князей и княжон и воспитывала их в христианском, православном духе. Из летописи мы узнаём о том, что княгиня «из-детска», то есть с самого раннего возраста, жила в страхе Божии, любя правду и почитая епископов и священников и весь духовный чин, что была ко всем «преизлиха добра», подавая милостыню всем нуждающимся в ней: «печальным, и нужным (нуждающимся. — А. К.), и больным», что была «нищелюбицей» и «страннолюбицей» (43. С. 161). Эти слова из летописной статьи 1205 года, рассказывающей о предсмертном, после восьми- или семилетнего лежания «в немощи», пострижении княгини в монахини, можно было бы счесть трафаретными, традиционными для некролога, прославляющего благоверную княгиню, — но в том-то и дело, что они отнюдь не трафаретны: других подобных некрологов русских княгинь в летописях того времени мы не встретим. Княгиня Мария действительно отличалась необыкновенным благочестием — и основание ею женской обители, о которой она заботилась до последнего своего дня, тоже свидетельствует об этом.

Мария оказала колоссальное влияние на всех своих сыновей, которых воспитывала в христианской любви и милосердии. В том числе — а может быть, даже особенно — на Юрия: «зане бе любим ею», что особо подчёркивает летописец (45. С. 127; 43. С. 161).

Местом рождения Юрия назван Суздаль — один из древнейших городов Руси. Стоит, правда, учесть, что в летописях и других письменных источниках того времени так

* Разумеется, не заслуживают доверия «избыточные» известия Тверского летописного сборника (XVI века) о том, что Мария была «приведена ис Чех не крещена», но крещена лишь во Владимире (36. Стб. 301), равно как и наименование её отца Шварна «чешским князем» (Стб. 237) или даже «чешским королём» (Стб. 290).

именовали не только сам город, но и всю Северо-Восточную Русь. А значит, если говорить строго, у нас нет достаточно прочных оснований для того, чтобы считать именно Суздаль родиной Юрия. Однако заметим, что время его рождения — ноябрь — совпадает со временем традиционного княжеского полюдья. Осенью Всеволод, как правило, пребывал вне стольного Владимира, а потому известие Ипатьевской летописи вполне может быть понято и буквально.

Крестный отец княжича Юрия, ростовский епископ Лука, скончался через год после рождения своего крестника, 10 ноября 1189 года. Наречение «дедним» именем новорожденного княжича — последнее его деяние, отмеченное летописями. Зимой 1189/90 года, по прошествии установленного срока поминания почившего архиерея, князь Всеволод Юрьевич отправил своих посланников в Киев — к митрополиту Никифору. Князь сам назвал имя преемника Луки — им по его, Всеволода, воле должен был стать его духовник Иоанн. Воля владимирского «самодержца» была исполнена. 25 февраля 1190 года новый владыка прибыл в Ростов, а 16 марта, в пятницу, канун Лазаревой субботы, — в столичный Владимир.

ГОД 1191 Суздаль

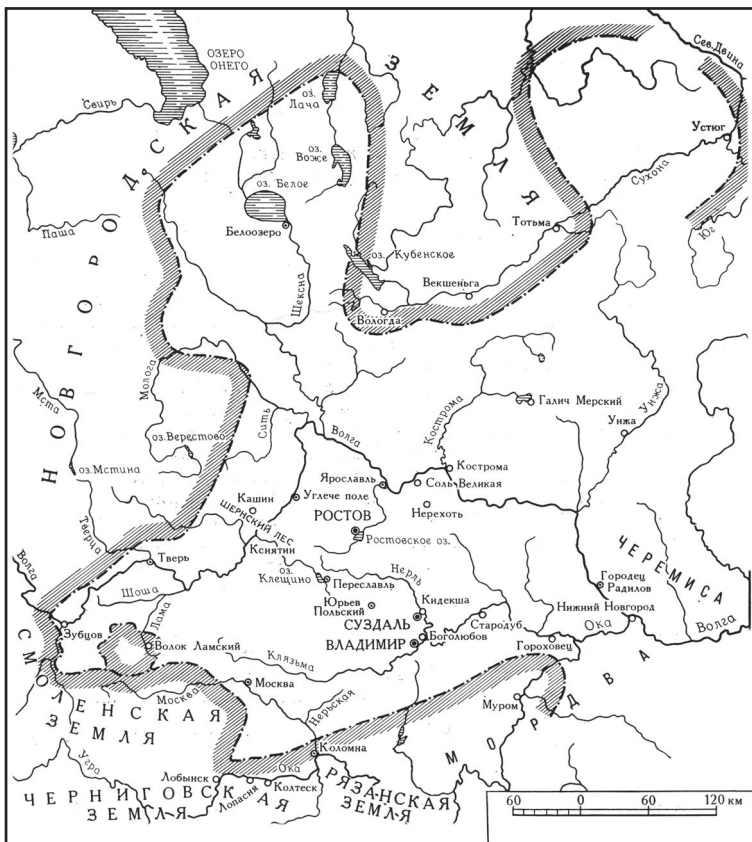
Из Лаврентьевской летописи

...Месяца июля в 28-й день, на память святого мученика Евстафия, [что] в Анкире Галатийской, были постриги у великого князя Всеволода, сына Георгиева, внука Владимира Мономаха, сыну его Георгию в граде Суздале; того же дня и на коня его посадил. И была радость великая в граде Суздале*.

(27. Стб. 409)

Ритуальное обрезание пряди волос (потом её хранили в княжеской семье в качестве оберега) означало вступление ребёнка в отроческий возраст. С этого времени его отнимали от мамок и кормилиц и передавали «дядьке»-воспитателю, который начинал обучать мальчика княже-

* Данная статья Лаврентьевской летописи датирована 6700 годом от Сотворения мира. Однако летописец продолжает пользоваться ультрамартовским стилем, так что названный год соответствует 1191/92-му от Р. Х. (69. С. 84).

Владими́ро-Сузда́льское кня́жество
во второй половине XII — начале XIII века

ской премудрости, учил пользоваться мечом и копьём — пока что маленькими, игрушечными. В тот же день юного Всеволодова сына впервые посадили на коня. Это тоже был древний, восходящий ещё к языческим временам обряд, свидетельствующий о превращении младенца в княжича.

Пребывание княжеской семьи в Суздале объяснялось тем, что здесь строилась новая деревянная крепость. «Того же лета заложен был град Суздаль, и срублен был того же лета», — сообщает летописец сразу после известия о «по-стригах» Юрия. А месяц спустя княжеское семейство находилось уже в стольном Владимире:

В то же лето заложил благоверный великий князь Всеволод Юрьевич церковь Рождества Святой Богородицы в граде Владимире. Начата же была строением месяца августа в 22-й день... при блаженном епископе Иоанне.

Тогда же был устроен и монастырь, которому предстояло стать первенствующим во всей Владимиро-Суздальской, а затем и Московской Руси и оставаться таковым до времён Ивана Грозного.

...Это были счастливые годы в жизни всего княжеского семейства. В 1193 году, 25 октября, накануне праздника святого Димитрия Солунского, у князя Всеволода Юрьевича родился шестой сын, названный в крещении Дмитрием (тем же крестным именем, которое носил сам Всеволод), а «княжим» именем Владимир — в честь Всеволодова деда, Владимира Мономаха. А полтора года спустя, 27 марта 1195 года, на свет появился седьмой сын княжеской четы, названный Святославом, а в крещении Гавриилом (также в соответствии с церковным календарём: накануне, 26-го числа, праздновался Собор Архангела Гавриила). Последний же, восьмой сын Всеволода и Марии родится 28 августа 1197 года и будет назван Иваном (на следующий день праздновалась память Усекновения главы Иоанна Предтечи) — это имя станет для него и княжеским, и крестильным. Но радость о его рождении будет омрачена болезнью матери. По словам летописца, княгиня Мария Всеволожая пролежит в немощи восемь или, по-другому, семь лет, до самой своей смерти.

В годы малолетства Юрия во Владимире и других городах княжества продолжалось масштабное строительство: возводились новые храмы, строились новые крепости и подновлялись старые. Так, летом 1193 года князь Всеволод

Юрьевич приступил к возведению владимирского «детинца» внутри прежнего «города Мономаха». Работы были в основном завершены два года спустя: 1 мая 1195 года ростовский епископ Иоанн заложил на вновь возведённых «воротах Святой Богородицы» (то есть ведущих к «златоверхому» Успенскому собору) каменную церковь во имя Святых Иоакима и Анны (освящена церковь будет ещё полтора года спустя, 3 ноября 1196-го). Летом 1194 года была заложена крепость в Переяславле-Залесском. Как и Суздальская, она была возведена за один строительный сезон: «того же лета» и «срублена». Ну а ещё раньше, весной 1194 года, князь отправил своего тиуна Гюрю с людьми «в Русь» — строить крепость «на Городце на Востри».

«Русью» в Залесских землях вплоть до XIII века называли преимущественно Южную Русь — Киевскую, Черниговскую и Переяславскую области. Суздальские князья стремились к тому, чтобы иметь здесь свою «часть», то есть свой удел, закрепить своё присутствие. Так, со времён Юрия Долгорукого они владели или по крайней мере претендовали на то, чтобы владеть Южным Переяславлем — городом на реке Трубеж, притоке Днепра. Городец Остёрский, на левом берегу Десны при впадении в неё реки Остёр, на стыке Черниговского и Переяславского княжеств, некогда принадлежал тому же Юрию Долгорукому и входил в состав Переяславского княжества. Он, однако, был полностью сожжён ещё в 1152 году Изяславом Киевским и союзными ему черниговскими князьями и долго оставался пустым. И вот сорок с лишним лет спустя Всеволод Юрьевич вспомнил о своих «отчинных» правах на этот город и приступил к возведению здесь новой крепости.

ГОД 1195 Владимир

Из летописца Переяславля Суздальского

...Той же осенью великий князь Всеволод оженил сына своего Константина Мстиславною Романовича, и венчан был в церкви Святой Богородицы во Владимире блаженным епископом Иоанном месяца октября в 15-й день. Тут были князь рязанский Роман и братья его Всеволод и Владимир с сыном Глебом, и муромские Владимир и Давыд, и Игорь; и была радость великая в граде Владимире...

(45. С. 121)

Старшему брату Юрия было к тому времени всего десять лет. Однако Всеволод спешил превратить своего первенца в настоящего князя, а для этого его сыну следовало обзавестись княгиней — пусть даже возраст был явно неподходящим. Женой юного Константина стала Мария, дочь смоленского князя Мстислава Романовича*, племянника сильнейших князей того времени, союзников Всеволода Рюрика Ростиславича Киевского и Давыда Ростиславича Смоленского.

Свадьба устроена была с размахом. Съехавшиеся на неё рязанские и муромские князья, «младшие» по отношению к Всеволоду, должны были задержаться во Владимире ещё на некоторое время. Спустя одиннадцать дней, 26 октября, на память святого Димитрия Солунского, Всеволод Юрьевич устроил «постриги» своему сыну Владимиру (в крещении Дмитрию) — и вновь в присутствии тех же князей, которым пока что не разрешал покинуть свой город:

...и были, веселяся, у отца своего (Всеволода Юрьевича. — А. К.) за месяц, и так разъехались каждый восвояси, одарены дарами бесценными: конями, и сосудами золотыми и серебряными, портами, и паволоками, и мужей их так же одарил. И поехали, славя Бога и великого князя Всеволода.

Вступление в брак сразу же выделило Константина среди братьев, поставило в особое, привилегированное положение по отношению к ним. Впоследствии мы увидим, что между Константином и следующими по старшинству Юрием и Ярославом вспыхнет вражда (особенно сильная между Константином и Юрием). Возникла ли она лишь в последние годы жизни их отца или началась раньше, ещё с детства? Этого мы не знаем.

ГОД 1197 Владимир

Знаковое событие в истории Владимира. В этот год в стольный город князя Всеволода Юрьевича из греческой Солуни (Салоник) были перенесены почитаемые христи-

* Из летописей известно лишь иноческое имя, которое вдова Константина приняла после смерти мужа, — Агафья. Крестильное же имя супруги Константина Всеволодовича — Мария — стало известно совсем недавно по изображению святой Марии на принадлежавшей ей печати (70. С. 15—20).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru